

КОРЕЙЦЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КРАЕ*

1. Общие замечания. Среди разноплеменного населения ДВК (Дальневосточный край. – *А.Р.*) и в особенности Приморья корейцы после русских являются наиболее многочисленной национальной группой, превосходя ныне по численности даже китайцев, которые еще не так давно (до революции) имели перед ними первенство в этом отношении. В отличие от тех же китайцев, которые чаще меняются в своем составе, в большинстве случаев лишь временно проживая на русской территории, корейцы, за исключением некоторого числа сезонных рабочих, обычно переселялись в русские пределы на долгое время, во многих случаях навсегда, тем более, что самое распространенное между ними занятие – земледелие, прочно связывало их с новой родиной. Однако и в составе корейцев происходили и происходят изменения, обусловленные смертью, возвращением на прежнюю родину и другими причинами, зачастую ускользающие от внимания местной администрации, так как на место умерших членов семьи в посемейные списки вносились в эпоху царской администрации, отчасти и теперь, их родичи, а возвращавшиеся в Корею отдельные хозяева передавали земельные наделы и свои имена новым выходцам оттуда. При всех этих оговорках корейцы в ДВК должны рассматриваться в качестве устойчивого колониционного элемента, связавшего себя с краем крепкими узами, как часть его постоянного населения.

2. История переселения корейцев в ДВК (Приморье). Первые корейские переселенцы появились в Приморье (Южно-Уссурийском крае) в 1863 г., когда 13 корейских семей, гонимые нуждой и голодом, тайно бежали из Кореи, тогда еще находившейся в полной изолированности от внешнего мира, на русскую территорию. Они были поселены на р. Тизинхэ, где в 1864 г. было официально основано первое корейское селение того же имени¹. Благодаря покровительству, оказанному этой иммиграции русской администрацией, учивывавшей пользу ее для края, тогда еще совершенно пустынного, селение Тизинхэ насчитывало в 1865 г. уже 60 семей. С этого времени, наряду с неимущими корейцами среди иммигрантов появились и представители более состоятельного класса, даже чиновники. Неурожай в Северной Корее в 1867–68 гг. вызвал массовое движение корейцев на русскую территорию (в ноябре и декабре 1869 г. до 4500 душ), причем большая часть иммигрантов разместилась в Посетском районе по рр. Тизинхэ и Янчихэ, меньшая же была направлена в Суйфунский и Сучанский районы тоже на рр. Лефу и Даубихэ. В этом сказалось желание русской администрации ввиду желания корейской иммиграции принять меры к урегулированию ее и перемещению вновь прибывавших корейских переселенцев из пограничных районов, где они предпочтительно оседали, подальше внутрь страны. В этих целях, в 70-х гг., когда численность корейских переселенцев достигла 8400 душ, отдельные партии их были поселены на Амуре в деревне Осиповке близ Хабаровска (в 1871 г.) и в пределах б[ывшей] Амурской области в специально устроенном для корейских переселенцев селе Благословенном в 547 в[ерстах]² ниже Благовещенска (в 1876 г.)³. Впоследствии корейцы пополнялись новыми выходцами из Кореи, расселялись в б[ывшей] Приморской об[ласти] от корейской и китайской границы к северу на всем пути вдоль р. Усури и на Нижнем Амуре и от этой же границы вдоль морского побережья, появились также в отдельных случаях в Удском крае и на Сахалине, наконец, единицами в Гижигинском крае и на Камчатке, где, однако, рост корейской иммиграции преграждается непригодностью местных условий для земледелия и ограничивается временным переселением малочисленных групп

* Подготовка текста статьи к печати, сверка и дополнительные примечания А.М. Решетова.

корейских рабочих (на рыбалках и других промыслах). Попытки русской администрации в царское время бороться с наплывом корейских иммигрантов в пограничные районы как из политических соображений (боязни пограничных осложнений), так и экономических (корейцы занимали здесь лучшие земли, которые могли бы иначе быть отведены русским переселенцам) закончились тем, что корейцы, переселившиеся в край до 1884 г., были приняты в русское подданство и получили земельные наделы, остальным корейцам была предоставлена также возможность остаться в крае и было приступлено к постепенному приему их в русское подданство, с предоставлением им мест жительства по рр. Иману, Хору и, наконец, Амуру. Однако вследствие продолжающегося перехода на русскую территорию все новых групп корейских иммигрантов, большинство их так и осталось до революции непринятым в русское подданство и не наделенным землею, немало их даже вовсе не зарегистрированными.

3. Общая численность корейцев в ДВК. К 1907 г. общая численность корейцев в крае была 46 000 душ (из них 42 000 зарегистрированных) и в 1911 г. 55 000 д[уш], причем японская политика в Корее, ранее направленная на защиту чрезвычайных японских интересов в этой стране и в 1910 г. завершившаяся аннексией ее, в связи с растущим обезземеливанием корейского крестьянства, побуждала новые партии корейских иммигрантов, недовольных японским режимом на их родине, переселяться на русскую территорию. Со времени европейской войны приток корейских иммигрантов значительно возрос, так как в связи с войной много корейских рабочих было набрано в Корею для работы в Европейской России и, по окончании войны, при возвращении на родину осело как в Сибири, так и в Приморье. Начавшееся в Корее с 1 марта 1919 г. движение в пользу независимости доставило в Приморье и Маньчжурию новую широкую волну корейских иммигрантов, чему способствовали также происходившие на русской территории Дальнего Востока гражданская война и интервенция. Поэтому, если в 1915 г. статистикой переселенческого управления было зарегистрировано 43 886 корейцев (в том числе 18 886 русских подданных), считая же с незарегистрированными постоянно живущими корейцами и сезонными корейскими рабочими, надлежит эту официальную цифру увеличить до 90 000 д[уш], то в 1922 г. по данным Дальревкома, численность корейцев в ДВК была 106 827 д[уш], увеличившись в 1925 до 110 280 д[уш] при общей численности населения в 1 227 981 д[уш], в том числе 953 753 д[уш] русских, 50 183 д[уш] китайцев и 1095 д[уш] японцев. Принимая во внимание, что некоторое число корейцев продолжает оставаться неучтенным (недоучет корейцев, а также китайцев и японцев на Русском Дальнем Востоке представляет собою хроническое явление) и, кроме того, ежегодно прибывает в край не менее 10 000 корейцев (и такое же число задерживается на границе при незаконном переходе)⁴, можно вполне допустить приводимую А.М. Ярмошем к 1 янв[аря] 1927 г. с оговоркою в сторону преуменьшения цифру корейского населения в ДВК в 170 000 д[уш], которая включает до 35–40% советских граждан и остальных японских и б[ывших] корейских национальных граждан. Этот исключительный рост численности корейского населения в ДВК объясняется как обеспеченностью условий корейской иммиграции при советской власти в противовес политическому и культурно-экономическому гнету японского режима в самой Корее, так и, в особенности, ростом рисосеяния в ДВК. В случае сохранения существующего темпа роста корейского населения (естественный прирост кор[ейского] населения выражается в 2,9% в год, но процесс просачивания корейской иммиграции на русскую территорию, остановить который через закрытие границы представляется невозможным, увеличивает этот процесс прироста до 17 и более %) численность корейцев в ДВК к 1936 г., когда интенсивное развитие рисосеяния сможет увеличить площадь посевов риса до 100 000 гектаров (в 1926 г. только 9000 га), должна возрасти до 820 000 (естественный прирост увеличил бы эту численность к 1932 г. лишь до 190 000 д[уш] и в 1936 до 205 000 д[уш])⁵. Эта чреватая последствиями перспектива необычайного роста корейского населения выдвигает перед тем же автором вопрос

об ограничении участия корейцев в расширении рисовой посевной площади таким образом, чтобы предоставить 2/3 ее переселенцам из остальных территорий Союза ССР. Указанная выше официальная цифра численности корейцев в ДВК не является абсолютно точной уже потому, что для одной б[ывшей] Приморской губернии различные источники приводят различные цифры: 106 817 д[уш] по данным статистическ[ого] бюро и 120 469 д[уш] по данным б[ывшей] уездной администрации, при общей численности населения этой губернии в 621 383 д[уши], из которых в %-ном отношении на долю русских приходится 71%, корейцев 17%, китайцев 6,8%, туземцев 1,3% и прочих 3,9%.

4. Территориальное распределение корейцев включает главным образом побережье Японского моря от корейской границы до залива де-Кастри и долину р. Суйфун и Уссури и правых притоков последней, и долину нижнего и частично среднего Амура, причем применительно к прежнему административному делению Приморской губ[ернии] из всего количества корейцев приходилось в %-ном отношении 49,2% на Владивостокский уезд, 22% на Никольск-Уссурийский уезд, 9% – на Хабаровский и 3% [на] Спасский уезд. После районирования к 1927 г. считалось корейского населения всего 140 000 д[уш], из них во Владивостокском округе 122 713 д[уш] (в городе 7977 д[уш]), в Хабаровском 10 893 д[уши], Амурском 4620 д[уш]. Из районов наиболее насыщенных корейским населением был Посыетский, где корейцы составляли 95% всего населения, и Суйфунский (50%). Оба они ныне превращены в национальные корейские районы.

5. Распределение корейцев по гражданству, социальному составу, занятиям и между городским и сельским населением. Вследствие тесной связи корейской иммиграции с земледелием главная масса корейского населения в ДВК сосредоточена в сельских местностях, но корейцы встречаются также во всех городах и крупных населенных пунктах, образуя в них, как, напр[имер], во Владивостоке, самостоятельные корейские слободки. В Приморье корейцы распределяются между городскими и сельскими местностями так: в городах 11 072 д[уши] (из 105 649 д[уш]) и [в] сельских местностях 94 577 д[уш], что в %- [ном] отношении для различных национальных групп населения Приморья дает следующие цифры: в общем количестве городского населения Приморья (200 929 д[уш], или 32,5% всего количества населения Приморья) русские составляют 69%, корейцы 6%, китайцы 18%, прочие 6% и в общем количестве сельского населения (420 454 д[уши], или 65,5% всего количества населения Приморья) русских 72%, корейцев 22%, китайцев 1,5%, туземцев 2% и прочих 2,5%.

По признаку гражданства корейцы разделяются так: в 1924 г. из общего числа 105 649 корейцев Приморск[ой] губ[ернии] советских граждан было 30 367 человек, так что иностранные граждане (или не имевшие никакого гражданства) составляли среди них 2 / 3 общего числа. К 1924 г. 8440 корейцев подали заявления о приеме в советское гражданство, и 1664 человек[а] были приняты. К 1927 г. 15 460 корейцев заявили о том же, и было принято 5499 человек. Ныне в %- [ном] отношении советские граждане составляют 49% к общему числу корейцев.

По социальному составу корейцы распределяются в %-[ном] отношении так: 91% крестьян, 4,8% рабочих, 2,1% батраков, 1,2% служащих и 0,8% остальных. По занятиям корейцы Приморья (105 649 душ или 17 070 дворов) могут быть отнесены: 15 670 дворов к земледельцам, 13 к скотоводам, 290 к рыболовам, 29 [к] охотникам и 1067 дворов – [к людям с] неизвестным[и] занятиям[и], причем часть земледельческого населения (14,4% или 2500 хозяйств) занята на промыслах, в том числе на рыбных более половины этого числа, [на] лесных около 1/10, в обрабатывающей промышленности более 1/10 и в мелком каботаже – 1/5.

6. Взаимоотношение с остальным населением. Еще не так давно корейцы, сохраняя почти целиком национальные формы быта и семейного уклада, держались обособленно от остального населения Дальнего Востока. Тем более это можно было сказать об их отношениях к русскому населению, которое при прежнем режиме сво-

ими действиями нередко возбуждало вражду и недоверие корейцев, неоднократно находя в этом поддержку и среди представителей царской администрации. При этих условиях корейцы, оставаясь в стороне от русского населения, поддерживали с ним только необходимые сношения. Правда, они охотно перенимали русское одеяние и некоторые предметы русского обихода и даже русские обычаи, но не поддавались действительной русификации, на которую рассчитывала местная русская администрация, усиленно насаждая среди корейцев православие и русское образование. Даже русский язык слабо прививался среди большей части корейского населения, а браки между корейцами и русскими были очень редки. Колебания политики высших представителей местной администрации при царизме в корейском вопросе, либо в сторону поощрения корейской иммиграции, как полезной для края, либо в сторону стеснения корейского землепользования, как конкурирующего с русским переселением, не смогли способствовать установлению нормальных отношений между корейским населением и русским господствующим классом. Отношения же корейцев с русским средним и беднейшим крестьянством и рабочими нарушались тем обстоятельством, неизменно подчеркивавшимся в заявлениях и мероприятиях местной русской администрации, что корейцы, как дешевые и невзыскательные рабочие, являлись серьезными конкурентами русских рабочих, а захваты ими некоторых земельных угодий (после революции, допустившей корейцев к пользованию землей, наравне с самими русскими) порождали неоднократно недоразумения и даже столкновения с русским крестьянством, претендовавшим на те же земли. Лишь для более состоятельных слоев русского крестьянства и казачества, владельцев крупных земельных наделов, которые они собственными силами не могли обработать, присутствие в крае корейской дешевой рабочей силы являлось желательным и выгодным. Советизация края и планомерное осуществление советских принципов в национальной политике, наряду с внедрением в сознание народных масс идеи международной солидарности трудящихся способствовали постепенному ослаблению и даже полному устранению той былой национальной вражды и экономической конкуренции между корейским и русским населением, и ныне только в более глухих местностях наблюдаются отдельные случаи столкновения корейцев и русских на этой почве.

7. Отношения между китайцами и корейцами всегда были более близкими и дружественными, сохранив этот характер еще с того времени, когда Корея была вассалом Китая, заимствовав из Китая основы быта, культуры и хозяйства и подвергшись отсюда же умственному и моральному воздействию. В условиях совместной жизни и деятельности корейцев и китайцев в нашем крае поддержанию мирных сношений между теми и другими способствовало и то, что китайцы являлись преимущественно городскими жителями, занимаясь торговлею, ремеслами, огородничеством в окрестностях города и морскими промыслами и судоходством близ крупных населенных пунктов, а корейцы в массе жили в сельских местностях, почему экономической конкуренции между ними обычно не происходило. Это не значит, что корейцы не подвергались со стороны более предприимчивых и коммерчески более оборотливых китайцев систематической эксплуатации и даже закабалению, подобно тому, как это наблюдалось в сношениях между китайцами и туземцами русского Дальнего Востока. С другой стороны, с начавшимся после русско-японской войны усиленным притоком корейских рабочих (грузчиков, носильщиков, чернорабочих) в города нашего края стали возникать столкновения между ними и китайцами, не без посредничества со стороны русских и китайских подрядчиков и десятников или вмешательства шовинистически настроенных японцев (как и в самой Корее). Со времени массового ухода китайцев из края, после чего корейцы получили значительный численный перевес, постепенно прекратились даже эти случаи взаимной конкуренции и если вообще мирные отношения между корейцами и китайцами в настоящее время и нарушаются, то единственно вследствие нападения на корейское население китайских хунхузов⁶, от которых, впрочем, страдают в равной мере и сами мирные китайцы. В эти хунхузские шайки вовлекается и часть морально разложившихся корейцев, со времени граж-

данской войны и японской интервенции, пагубно отразившихся на морально неустойчивой части корейского населения.

8. Более сложные отношения существуют и существовали между корейцами и японцами в крае. В этом не могло быть речи об экономической конкуренции, даже тогда, когда число японцев, временно или постоянно проживавших в крае, было несравненно больше, чем ныне: в 1923 г. 1095 д[уш] против 2522 д[уш] в 1897 г. и 5000 и более душ после русско-японской войны и вступления в действие рыболовной конвенции. Японцы никогда не были конкурентами для корейцев, т[ак] к[ак] занимались исключительно торговлею, ремеслом и морским (рыболовным) промыслом, и судоходством, и работой в горных и лесных концессиях в качестве технических служащих (мастеров) и контролирующих агентов и обычно жили в городах и на концессионных землях и промыслах. Поэтому отношения между корейцами и японцами определялись прежде всего политическими мотивами еще с того времени, как после японо-китайской войны 1894–1895 гг.⁷ японцы заняли в Корее господствующее политическое и экономическое положение, обеспеченное за ней после десятилетней борьбы с царской Россией через Портсмутский договор 1905 г.⁸ и окончательно закрепленное в 1910 г. через аннексию (присоединение Кореи к Японии, как нераздельной части территории Японской империи). На протяжении более ранней, тысячелетней истории японо-корейских сношений Япония неизменно выступала в роли доминирующей стороны по отношению к Корее, даже когда пользовалась культурной помощью корейского народа, и этим вызывала неприязненное настроение по отношению к ней корейцев, впоследствии перешедшее в ясно выраженную национальную вражду. Современное господство Японии в Корее и установленный ею политический и культурно-экономический контроль над Кореей, опирающийся [на] беспощадную колониальную эксплуатацию полуостровной страны, подчеркнув эту национальную роль, породили широкие национально-освободительные стремления корейского народа; через корейскую политическую эмиграцию, начиная с 1910 г. и отчасти раньше, в это движение было втянуто также корейское население Приморья. Этим объясняется, почему мероприятия японского правительства, направленные против корейского национально-освободительного движения, были распространены в период японской интервенции на Русском Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) также на корейское население русской территории, входившей в сферу действия указанной интервенции. Нередко жестокая расправа японской военной администрации с корейцами, виновными или только заподозренными в насильственных выступлениях против японцев, не могла способствовать примирению или просто сближению обоих народов в лице их представителей в крае и делала тщетными попытки приобрести симпатии местного корейского населения через культурно-просветительную и экономическую помощь ему, за исключением меньшей японофильской части корейского населения, связанной общими интересами с японскими доминантами. Между тем материальные соображения (не только политические мотивы) побуждали японцев к согласованию собственной линии действий с деятельностью корейцев в крае. Особенную роль сыграло в этом отношении развитие корейского рисосеяния в нашем крае, открывавшее путь если не к разрешению, так, по крайней мере, к облегчению продовольственной проблемы Японии, как об этом будет подробнее сказано в своем месте. При таких условиях было вполне естественным стремление японцев к поддержанию контакта с корейским населением Приморья, особенно с той частью его, которая не приняла ранее русского подданства, а ныне советского гражданства, и оказанию желательного воздействия на него через особых агентов и посредников. В этом смысле надо понимать организацию поездок представителей японских экономических и общественных кругов в местности Приморья, занятые корейским населением, или в обратном направлении поездок представителей некоторых групп корейского населения в крае, готовых к сближению [с] помянутыми японскими кругами, из Приморья в Японию для укрепления японских симпатий и общности японо-корейских интересов среди корейцев. Тем не менее,

большинство корейского населения в крае продолжает оставаться враждебно и недоверчиво настроенным в отношении японцев, и беззащитная эксплуатация японскими хозяевами корейских и китайских рабочих на концессионных предприятиях в крае не способна устранить ни этой вражды, ни этого недоверия [во] взаимных отношениях представителей обоих народов в современном ДВК.

9. На Нижнем Амуре и в других местах корейцы вступают в соприкосновение и сожительствуют с туземцами. В этом случае туземцы являются экономически и культурно более слабой стороной, легко поддающейся влиянию выше стоящих в указанных отношениях корейцев, как и китайцев. В известном смысле это влияние может считаться благотворным, распространяя среди туземцев начатки более сложных форм хозяйства и домашнего обихода, как-то земледелия, скотоводства и птицеводства, огородничества, и создавая даже семейные связи через браки корейцев с туземными женщинами⁹; наряду с этим, однако, достаточно резко бывает выражена и эксплуататорская роль корейцев и китайцев по отношению к туземцам в деле скупки за бесценок пушнины, спаивания, вообще экономического закабаления, почему в 1925 г. был поставлен вопрос о выселении из района жительства туземцев корейцев и китайцев, как и приняты меры к устранению на будущее время всех видов кабальных сделок¹⁰.

10. Социальное положение и хозяйственное расслоение. Выше (§ 5) были приведены данные о социальном составе корейского населения, в котором столь значительно преобладают крестьяне. В основной массе это крестьянское население представляет собой бедноту, что наглядно видно по цифрам уплачиваемого корейцами сельхозналога. Обеспеченность корейского крестьянства землею (в качестве отводов) очень низка: в 1923 г. в отводах корейского населения (произведенных в 1893 г.) числилось 43 095 десятин¹¹ земли, причем в действительности через ежегодные разливы и наводнения эта площадь значительно сократилась, так что на каждый двор (из 17 070 корейских дворов) в среднем приходилось лишь 2,16 десятин земли, и недостающую землю корейские крестьяне были вынуждены получать через аренду, подвергаясь по этой причине чрезмерной эксплуатации состоятельного русского и единичных, более обеспеченных землею представителей корейского населения¹². Только в 1923 г. было приступлено к наделению в систематическом порядке корейского населения землею. По общему правилу, крупных корейских земледельческих хозяйств нет, за исключением б[ывшей] Барабашевской волости и Посьетского и Никольск-Уссурийского районов. Обеспеченность корейского населения скотом слаба: из 17 192 хозяйств (охваченных статистикой) без скота 5366 (31%), из 15 259 сеющих хозяйств не имеют сельскохозяйственного инвентаря, кроме самых примитивных орудий, 3979 хозяйств (26,1%); без пахотных орудий остаются 11 280 хозяйств (73,9%), плуги имеются лишь в 376 хозяйствах (2,5%).

Хозяйственное расслоение корейского крестьянства, как далеко преобладающей части корейского населения ДВК, может быть показано на примере корейской деревни Николаевка Владимиро-Александровской волости б[ывшего] Владивостокского уезда с 172 дворами и 1005 душами населения в самой деревне и с 160 дворами и 968 душами населения в 9 мелких поселках, входящих в ведение Никольского корейского сельского совета. Здесь считалось 180 хозяйств бедняцких, 13 хозяйств ниже среднего, 15 середняцких и 7 кулацких. Посевная площадь около 600 десятин; из 332 хозяйств 261 не имело своей земли и арендовало у окружающего русского крестьянского населения 250 десятин, получая ее на кабальных условиях от кулаков¹³.

11. Корейское хозяйство в сравнении с русским. Корейское хозяйство как одна из форм характерного для зарубежного Дальнего Востока китайского земледельческого хозяйства, обладает значительным своеобразием, ярко выступающим из сравнения его с русским в ДВК. Преобладание земледельческого характера этого хозяйства делало, как сказано, с самого начала корейскую иммиграцию на русскую территорию ДВ почти целиком земледельческой. Наиболее многочисленным корейское земледельческое хозяйство является в б[ывшей] Приморской области, именно в юж-

ной части ее, примыкающей к китайской и корейской границам, где корейское земледельческое население составляет высокий процент к общему количеству местного земледельческого населения: в б[ывшей] Посыетской волости корейских хозяйств (дворов) 2558 и населения 15 159 д[уш], или 99% к общему количеству хозяйств (дворов); в Барабашевской волости – 2276 хозяйств и 12 297 д[уш], или 83% к общему количеству хозяйств и во Владимиро-Александровской волости – 2622 хозяйства и 13 768 д[уш], или 58% ко всему количеству хозяйств (дворов).

В среднем в волостях б[ывших] Владивостокского и Никольск-Уссурийского уездов количество корейских хозяйств (дворов) составляет 49% к общему количеству хозяйств.

К особенностям корейского земледельческого хозяйства по сравнению с русским относятся: 1) бóльшая обеспеченность первого рабочей силою, так как огородный характер корейского земледелия, требующий массового применения ручного труда, включая и слабосильный, позволяет широко использовать труд подростков и стариков; 2) меньшая производительность корейского труда, равная половине или одной трети русского (европейского) труда, несмотря на широкое применение рабочей силы собственной семьи и систематическое пользование наемной силою (в большей мере, чем это делает русское хозяйство в ДВК) приводит к тому, что корейское хозяйство обрабатывает в 2–3 раза меньшее количество земли по сравнению с русским (на одну рабочую силу в кор[ейском] хозяйстве обрабатывалось 0,76 гект[ара] против 2,5 гект[ара] в русском); 3) преимущественно зерновой характер кор[ейского] хозяйства, что подчеркивается наличием меньшего количества скота, чем в русском хозяйстве, имеющего притом прежде всего значение рабочей силы (молочного хозяйства у корейцев не ведется, и корова, а не лошадь, служит для полевой работы). Малоскотность кор[ейского] хозяйства изменяет сравнительно с русским [хозяйством] соотношение площади пашни и покоса в составе земельных угодий. В отношении оборудования, особенно машинного, корейское хозяйство значительно уступает русскому; 4) отличный в корейском хозяйстве состав основных культур по сравнению с русским хозяйством: в корейском хозяйстве просянные растения (чумиза и пайза¹⁴), бобы, кукуруза и за последние годы рис, отчасти овес, из которых рис и кукуруза являются предпочтительными для рынка; в русском хозяйстве – пшеница, овес, рожь и гречиха, из которых рыночными называются пшеница и гречиха. Бобы и рис дают несомненное преимущество кор[ейскому] хозяйству перед русским, тогда как остальные культуры, в особенности просянные не являются более производительными, чем пшеница в русском хозяйстве; 5) различие доходности корейского и русского хозяйств: у первого она выше на единицу обрабатываемой площади (на 1 гект[ар] 79,8 р[убля] для корейского и 60,5 р[убля] для русского хозяйства), но ниже на 1 работника (70 р[ублей] 36 к[опеек] в кор[ейском] и 216 р[ублей] 75 к[опеек] в русск[ом] хозяйстве) и 1 едока (31,10 р[убля] в корейском вследствие многочисленности душевого состава двора и 87,50 р[убля] в русском хозяйстве). Чистая доходность корейского хозяйства, включая животноводство – на мясо и побочные [заработки] (на 19 р[ублей]) – 159 р[ублей] и русского хозяйства, включая животноводство – на мясо и молоко и побочные заработки (на 120 р[ублей]) – 446 р[ублей] 54 к[опейки]¹⁵.

Таким образом, единственным преимуществом кор[ейского] хозяйства является более целесообразный подбор культивируемых растений (в частности бобов), но крупный дефект составляют недостаточное использование естественных ресурсов (кормового фонда) и недоучет экономических факторов – отсутствие молочного хозяйства и промышленного скотоводства; не меньшим дефектом оказывается и нерациональная трата труда. С другой стороны, остается бесспорным фактом бóльшая устойчивость корейского хозяйства в отношении неурожая, что объясняется как подбором сельскохозяйственных культур, так и [в] особенности сельскохозяйственной техники (наличие грядковой культуры и более целесообразных приемов ухода за посевами). В этом отношении корейское хозяйство является близким к китайскому, от

которого заимствует и подбор сельскохозяйственных культур, и технику обработки, обладая, однако, еще более примитивными орудиями и меньшей производительностью труда.

12. Корейское земледелие и земельный вопрос в ДВК. Хотя 90% корейского населения в крае занимается земледелием, все же, при существующих неблагоприятных условиях ведения его, это земледелие не в состоянии удовлетворить полностью жизненные потребности местных корейцев. Главным препятствием в этом отношении служат недостаток земли и неумелое землепользование. Выше указывалось, что из общей площади в 4 030 000 десятин, отведенной сельскому населению в крае, в корейских наделах до недавнего времени состояло только 43 095 десятин; остальное потребное количество земли корейцы-земледельцы получали в аренду от сельских обществ или отдельных лиц из русского или более состоятельного корейского населения. Некоторое число корейских земледельцев, не имея вовсе земли, являлось бродячим, продавая свой труд в качестве батраков более крупным хозяевам (из русских или корейцев), и подвергалось в этом случае самой беззастенчивой эксплуатации как со стороны русских кулаков, так и их корейских посредников, выступающих в роли субарендаторов (то же надлежит сказать и относительно корейских кулаков, действующих самостоятельно). Это безземелье или малоземелье, а также то, что корейский способ ведения земледельческого хозяйства, будучи слишком хлопотлив, не позволяет корейским земледельцам, не обладающим усовершенствованными сельскохозяйственными машинами, обрабатывать нужное количество земли, чтобы иметь излишек, является причиной в общем крайне тяжелого экономического положения корейского сельского населения, которое зачастую лишено возможности прокормиться до нового урожая. Это приводило раньше, отчасти и теперь [приводит] к кабальной зависимости корейских земледельцев от китайских торговцев, которые снабжали их чумизою до нового урожая и после уборки урожая взыскивали выданные ссуды с огромными процентами, вынуждая необходимость новых ссуд. По этим причинам советской властью, со времени советизации края, стали приниматься меры к наделению малоземельных или безземельных корейцев землей, к переброске мелких корейских селений на государственный земельный фонд для освобождения их в земельном отношении от зависимости от русских селений, наконец, к организации государственного и кооперативного кредита для выдачи нуждающемуся корейскому населению ссуд (деньгами или зерном) и обеспечения его земледельческим инвентарем и скотом. Вместе с тем по примеру русских начали возникать корейские коллективные хозяйства и сельскохозяйственные коммуны. Так, в 1922–1923 гг. была организована группой корейских демобилизованных красноармейцев в 60 человек артель-коммуна “Красная звезда” около селения Шкотова¹⁶. Другое объединение “Коммуна” было создано в деревне Удагоу в Суйфунской волости. Крупным образцом коллективного хозяйства может служить корейская деревня Пуциловка в б[ывшем] Ник[ольск]-Уссурийск[ом] уезде, где 300 дворов разрабатывают в общем хозяйстве 13 000 десятин земли¹⁷.

Значительные улучшения корейского хозяйства и всей системы землепользования происходят в связи с развитием рисосеяния, с какой целью создаются специальные корейские мелиоративные товарищества вроде “Ансон”¹⁸ (“Мирное хозяйство”) в с[елении] Западворка б[ывшей] Барабашевской волости¹⁹. Это обращает нас к рассмотрению этой сравнительно новой, но важной отрасли сельскохозяйственной деятельности корейского населения в б[ывшей] Приморской области и других местностях ДВК, открывающей широкие виды на будущее не только для корейского, но и [для] русского хозяйства в этой части территории СССР.

13. Рисосеяние в ДВК. Исторический очерк рисосеяния в крае. Исторически культура риса в б[ывшем] Приморье восходит к ранним временам распространения влияния китайской культуры на север Кореи, восток Маньчжурии и внутрь Приморья, именно, к эпохе т[ак] н[азываемого] царства Бохай²⁰ и последующим столетиям, так как среди местных старинных памятников находим также остатки древних ороси-

тельных сооружений, очевидно, связанных с существованием в отдаленном прошлом рисовой культуры. Еще в первые годы занятия русскими Приморья тогдашнее “манзовское” (китайское) население²¹ среди прочих культурных растений (чумизы, пайзы, бобов) разводило также рис, как упоминали первые русские исследователи (Будищев²², Максимович²³). После событий 1867–1868 гг. (“манзовской войны”²⁴) эта ранняя рисовая культура совершенно исчезла и, хотя возможность рисовой культуры в крае доказывалась в последующий (дореволюционный) период некоторыми агрономами, все же она не поощрялась местной администрацией из боязни, “чтобы развитие рисовых плантаций не послужило поводом для особой агрессивности в отношении края со стороны Японии и Китая”. Поэтому возобновление этой культуры относится уже к послереволюционному периоду, именно, к 1917–1918 гг., и заслуга в этом отношении принадлежит местным корейцам, которыми близ города Никольск-Уссурийского и в Гродековской волости (в местности “Сосновая падь”) были сделаны удачные опыты посева риса. В 1918 и 1919 г. эти опыты были повторены с неменьшим успехом корейцами и отчасти русскими в разных местах, и с этого времени площадь посевов непрерывно расширялась в таком порядке: в 1919 г. она была 300 десятин, в 1920 г. – 2500 дес[ятин], 1921 г. – 6000 десятин, 1922 г. – 8000 десятин, в 1923 г. – 7000 десятин (сокращение посевов в этом случае было обусловлено изменением порядка сдачи земли в аренду под рисовые посевы в смысле запрещения нетрудового пользования земли, что прежде всего отразилось на землепользовании корейцев, получивших большей частью наделенную им землю в виде аренды у богатого русского и корейского населения). В 1924 г. площадь под рисовыми посевами была 6000 дес[ятин], 1925 – 8000 дес[ятин], 1926 г. – 9000 дес[ятин], дальнейшее расширение площади рисовых плантаций повысило ее до 13000 дес[ятин], причем район посевов поднимался к северу, достиг среднего течения Амура.

14. Состояние и перспективы рисосеяния в ДВК. Хотя поныне контингент посеивщиков риса в подавляющем большинстве состоит из корейцев, работающих главным образом на землях госфонда и наделных землях русского населения (после облегчения порядка сдачи в аренду земли частными хозяевами) – причем хоз[яйственные] органы риков²⁵ и колхозов земли госфонда сдают корейцам-посеивщикам риса за 25–30% урожая, устраивая предварительно орошение этих земель, частновладельческие же хозяйства – за аренду в 50% урожая, все же рисосеяние начало прививаться и к русскому населению, оценившему его рентабельность^{26–27}. Важность орошения для развития рисовой культуры побудила местные органы земельного управления наметить широкий план мелиоративных (ирригационных) работ на землях, предназначенных под рисовую культуру, и частично осуществить их (система оросительных сооружений в долине р. Майхэ у Шкотова²⁸, устройство оросительной системы близ Никольск-Уссурийска²⁹, мелиоративные работы в Приханкайской низменности³⁰, ведущиеся по широкому плану и т.д.).

Наряду с мелиоративными (оросительными) работами, предпринимаемыми в широком масштабе на государственный счет, возникают в крае кооперативные артели и общества для производства аналогичных работ на отдельных земельных участках и вообще меньших земельных площадях, напр[имер] мелиоративного товарищества “Сдвиг”, организованного 20-[ю] крестьянскими хозяйствами и производившего мелиоративные работы близ Шкотова на площади 225 десят[ин], из кот[орых] 72 десят[ины] были засеяны рисом. Можно сказать, что рисовая культура, это по первоначальному чисто корейская культура, начинает привлекать к себе также русских крестьян, которые, однако, более интересуются культурой суходольного риса, при которой не требуется работать по колено и выше в воде. Для устранения этого неудобства и в отношении культуры обычного “болотного риса” на местных показательных полях устроены ныне такого рода оросительные сооружения, которые позволяют в нужный момент спустить воду и так же быстро вновь затопить поле; наконец, делается успешный опыт посева риса сухим способом взамен старого влажного

и принимаются меры путем издания соответствующей литературы и инструктирования для возможностей пропагандировать рисосеяние среди русского населения.

15. Местное рисосеяние и Япония. С самого начала корейское рисосеяние в Приморье возбудило интерес к себе японских общественных и торгово-промышленных кругов, усматривавших “во вновь открывшейся рисовой житнице Приморья возможность решения или, по крайней мере” облегчения рисовой проблемы Японии, где растущий прирост населения и скорее падающий уровень рисовой продукции, порождая недостаток риса на внутреннем рынке и дороговизну цен на него, создают необходимость ввоза из других стран растущее количество риса и других хлебных продуктов. В период японской интервенции в Приморье [в] 1920–1922 гг. японцы не только занимались усиленными изысканиями данного вопроса, как показывают многочисленные статьи касательно мировой рисовой культуры, печатавшиеся в 1921 г. в японских газетах “Владиво-Ниппо”³¹ и “Владиво-Асахи-симбун”³², выходявших во Владивостоке³³, но и предпринимали практические меры к расширению этой культуры и использованию ее для японского рынка с помощью финансирования ее японскими банками^{34–35}. В связи с этим был организован вывоз Приморского риса в Японию. После прекращения японской интервенции налаженное дело финансирования японцами местной рисовой культуры и вывоза риса в Японию было временно приостановлено, но с восстановлением советско-японских политических сношений в 1925 г. оно вступило в новый и более широкий фазис: уже в 1925 г. группой японских коммерсантов был арендован в Никольск-Уссурийском уезде большой участок земли под рисовые посевы. Тогда же при приеме в сент[ябре] 1925 г. группы японских коммерсантов в Японском консульстве во Владивостоке было заявлено о заинтересованности японцев в культуре риса в Уссурийском крае, а позднейшая статья в японском журнале “Деловой мир” горячо доказывала, что разведение японцами риса в Приморской губ[ернии] позволит разрешить продовольственный вопрос в самой Японии и что рисовые поля здесь на русской территории должны обязательно обрабатываться японцами на основании б[-ой] ст[атьи] советско-японского договора, предоставляющей японцам право разработки естественных богатств в ДВК, наряду с лесными и горными. В связи с этим известный деятель советско-японского сближения виконт Гото, умерший в 1929 г., разработал в качестве председателя советско-японского общества в Токё³⁶ проект переселения в б[ывшую] Приморскую губернию 100 000 японцев для занятия здесь рисосеянием, в расчете, что расширение площади посевов риса здесь до 300 000 га, которые смогут дать 50 миллионов пудов (800 000 тонн) риса, позволит Японии получать отсюда с избытком все недостающее для ее пропитания количество риса. Право, эти цифры значительно превышают перспективные данные роста рисосеяния, предусмотренные “10-летним планом развития рисосеяния” в ДВК в закон[ном] порядке: [в] 1926 г. – 13 000 га, 1927 г. – 15 500 га, 1932 г. – 40 200 га и 1936 г. – 94 000 га (со сбором в 325 000 тонн риса). Некоторые японские научные специалисты, [например] проф. Тэресу, идут даже дальше и, подчеркивая преимущество развития рисосеяния в Приморье перед Хоккайдо, утверждают, что в одном Приморье можно засеять рисом до 3 милл[ионов] га и получить с них до 55 000 000 коку³⁷ (8 000 000 тонн); японские официальные исследователи увеличивают эту площадь для всего ДВК до 8 милл[ионов] га, частные исследователи до 10 милл[ионов] га, соответственно (в три раза) повышая общее количество могущего быть сбора риса. Советская Россия идет навстречу этим японским надеждам, т[ак] к[ак] по сообщению японской газеты “Мияко”³⁸ (от 19 октября 1927 г.) советская делегация из 16 человек выехала в Японию для переговоров о культуре риса в Сибири в целях использования японской техники и контроля этого дела. Имеется предположение организовать особое русско-японское общество для совместного ведения рисового хозяйства на 250 000 тё³⁹ (немногим меньше 250 000 га) земли, годной под рисовую культуру, используя имеющихся в крае корейских рисосеятелей под наблюдением лишь японских экспертов⁴⁰.

Особая роль, которую корейцы играли и играют поныне в деле развития рисосеяния в ДВК, а также в отношении распространения через них других новых культур (бобов, проса, в будущем гаоляна) и технических приемов земледельческой обработки, позволяет видеть в них важный фактор роста и изменения местного сельского хозяйства, причем прогрессирующее число корейского населения соответственно увеличивает и это их экономическое значение.

16. Прочие занятия и промыслы корейцев в ДВК. Хлебопашество доставляет корейцу все, что ему необходимо в жизни, причем, соединяясь с простейшим ремеслом, обеспечивает ему привычный культурный уклад. Кореец, поэтому, сам изготавливает себе одежду (не сшиваемую, а склеиваемую из отдельных полотнищ материи), обувь, домашнюю утварь (в частности, глиняную посуду и прочие хозяйственные орудия), отсюда их примитивность и ограниченность, наконец, материалы для постройки жилища и остальных хозяйственных помещений (глину, дранку, известь, солому для крыши). Специальные ремесленники среди корейцев имеются только для тех производств, которые требуют особых инструментов и умения (кузнецы, медники и проч[ие]). Обычно и эти ремесленники не держат постоянных мастерских, а переходят с места на место, работая, где нужно. В растущем числе корейцы ДВК пользуются и русскими ремесленными или фабричными изделиями, открывая тем самым доступ в свою среду новым культурным влияниям. Из различных промыслов корейцев ДВК (Приморья) можно назвать лесные (поиски женьшеня, орехов, грибов), охоту (хищническими способами), морские промыслы (морской капусты, крабов, трепангов, устриц, рыбы), каботажный, в городах работу грузчиками и носильщиками (кулями)⁴¹, чернорабочий труд на строительных и других работах, наконец, промыслы золотоискателей и горняков и труд на лесных заготовках. Крупной торговлей корейцы занимаются мало, но мелкая (развозная и разносная) в корейской деревне находится в их руках и корейский мелкий торговец является в этом случае нередко агентом и комиссионером китайцев и эксплуатирует беднейшее корейское и туземное население. Морально менее устойчивые представители корейского сельского и городского населения вовлекаются в более рискованный, но прибыльный промысел контрабандистов, спиртоносов и опиумных торговцев и не так давно среди русского пограничного населения Приморья практиковалась охота за “белыми лебедами”, под которыми разумелись корейские контрабандисты, золотоискатели и охотники за женьшенем, у которых силою отбиралась добыча и сами они нередко убивались, наконец, [в] банды хунхузов (участвуя в китайских хунхузских шайках или выступая самостоятельно).

17. Домашний быт корейцев ДВК. Корейское жилище походит на китайское, отличаясь от него простотою очертаний и еще большей примитивностью, причем строится всегда по одному и тому же плану из простейшего материала (глина) с соломенной, реже тесовой или черепичной крышею. Внутри корейской фанзы, в отличие от китайской, отопление с помощью проведенных от кухонного очага труб устроено под глиняным полом; на этом полу спят, подстилая циновки, имеется лишь одно помещение, разгороженное на части подвижными стенками. Пища преимущественно растительная (просо, бобы, овощи, реже рис) с добавлением мяса и рыбы. Домашняя утварь отличается примитивностью, являясь как бы пережитком каменного и медного веков: каменные ступы, большие каменные молоты, медная посуда, глиняная посуда крупных размеров и архаической формы. За отсутствием мебели пища подается на низких столиках, разложенной в измельченном виде по чашкам. Одежда и головные уборы отличаются большим своеобразием, как и старинная мужская прическа (в виде шишки из волос, собираемых на макушке); русскоподданные корейцы в знак нового подданства брили головы. Одежда у мужчин и женщин преимущественно белого цвета, как сказано, не сшитая, а склеенная и при стирке разделяется на части; вместо пуговиц употребляются завязки. Мужское одеяние состоит из широких кофт и длинных халатов с широкими шароварами; женское – из короткой и узкой кофточки, не закрывающей груди, и широкой юбки из цельного полотнища, завязанной сверху под талией и снизу у ступней ног. Столь же упрощен и примитивен и весь остальной быт

корейцев, как на их бывшей родине, так и в новых условиях их жизни на русской территории, заимствуя сравнительно немногие элементы и формы русского и вообще европейского вида. Корейский хозяин-землепашец живет посреди своего поля, почему корейская деревня, в отличие от русской, состоит из построек, разбросанных по всей долине и редко собирающихся в сплошную группу. Это создает значительные трудности в организации административной сети и [в] текущей работе административных учреждений, обслуживающих территориально обширные районы с рассеянным населением. Только около городов корейцы живут сплошной массой домов, объединяясь в слободки. В отличие от китайцев, в эмиграции которых участвуют почти только мужчины, и женщины составляют ничтожный процент (по преимуществу проститутки), корейцы эмигрируют всегда с семьями, почему численность обоих полов среди корейского населения ДВК почти равномерна. Это обстоятельство переносит и на новую родину корейских иммигрантов те же формы семейного быта и основанного на них общественного строя, какие существуют в самой Корее. Поэтому и в Приморье корейская семья остается столь же замкнутой, как и на старой родине, одинаково сильна власть отца и вообще старших, женщина, как и раньше, продолжает служить объектом купли и продажи, и родители по собственному усмотрению распоряжаются дочерьми, выдавая их замуж зачастую за стариков, уплативших наивысшую цену, и нередко еще в юном возрасте. Возникающее через это нарушение советских брачных законов порождает коллизии между сторонниками этих отживших форм быта и представителями судебной и административной власти, причем распространение среди корейцев женского и комсомольского движения способствует вскрытию этих правонарушений и наказанию виновных⁴². Отсталое положение женщин в старом корейском быте подчеркивается и тем, что женщины и дети обедают отдельно от мужчин на кухне.

18. Культурное развитие корейцев вообще ниже, чем у китайцев и японцев, что объясняется вековым подчинением корейского народа его сильным и богатым соседям, его бедностью и упадком в стране ранее цветущей культуры после разорения Кореи во время двукратного японского нашествия в конце XVI стол[етия] и последующей экономической и культурной изоляции Кореи. Тем не менее, кореец у себя на родине и в ДВК обладает известными культурными навыками, обнаруживает большое тяготение к образованию (не только национальному, но и европейско-русскому) вследствие чрезвычайно развитого в нем уважения к письменности и литературе (китайским и корейско-китайским), наконец, проявляет большую подражательность, перенимая чужую культуру вследствие давнишней привычки копировать все с китайских и реже японских моделей. Никто из дальневосточных народов не схватывает так легко европейского (русского) лоска, как корейская молодежь. Умственное развитие корейцев в ДВК, которое раньше определялось рамками усвоенных ими китайских понятий, ныне, поддаваясь легко русскому образованию, стремится выйти из этого замкнутого кругозора. В вопросах религии корейцы довольно равнодушны, почему антирелигиозная пропаганда среди них на советской территории имеет большой успех и, например, во многих корейских деревнях Приморья свадьбы, ранее сопровождавшиеся большими церемониями при участии служителей культа, теперь происходят в самой будничной обстановке и ограничиваются одной пирушкой. Однако многие суеверия еще не изжиты среди корейцев, и служитель старой корейской религии – шаман играет большую роль в случае болезни, пропажи скота, а также гадает. Порча чужой могилы по-прежнему считается великим оскорблением для живых родственников умершего⁴³. На борьбу с этими суевериями и прочими пережитками корейского старого быта выступило новое образование, которое при советской власти получило значительный толчок к распространению: была расширена сеть корейских национальных школ обеих ступеней, возникли корейские профессиональные школы и техникумы; во Владивостоке при рабфаке Государственного Дальневосточного Университета открыто корейское отделение⁴⁴. Корейцы были допущены и [в] советско-партийные школы. Под растущим воздействием советской культуры и политического просвеще-

ния увеличилась и тяга корейцев к изучению русского языка, почему преподавание русского языка было введено, по требованию самого корейского населения, в ряде корейских национальных школ; только отсутствие учителей русского языка, могущих преподавать в корейской школе, задерживает осуществление в полной мере этой тяги к русскому языку. Через образование корейцы приобщаются к советской культуре и сознательно воспринимают то, что еще не так давно они перенимали лишь в силу подражательности. Этому способствует и введение в корейский земледельческий обиход усовершенствованных орудий вплоть до машин и улучшенной техники [для] обработки поля и отбора семян, включая и мелиоративные работы, и в экономический быт вообще кооперирования и других форм советской общественной и коллективной хозяйственной деятельности.

19. Советское строительство среди корейцев ДВК. Проведение местными советскими учреждениями и партийными организациями принципов национального самоопределения, провозглашенных советским правительством, по отношению к корейцам в ДВК привлекло их к участию в управлении. В местностях с наиболее густым корейским населением были созданы корейские национальные районы, в других районах, где корейское население не составляет большинства, организованы корейские сельские советы, корейские делегаты были вовлечены в работу вышестоящих органов управления вплоть до окружных и даже краевых. Во всех надлежащих случаях введено делопроизводство на корейском языке, а для связи с корейским населением при советских учреждениях был создан институт корейских уполномоченных⁴⁵. Не было забыто и политическое воспитание корейского населения, в частности, корейского актива, выдвигавшегося на различные должности в советском строительстве: с этой целью корейцы, проявившие себя на общественном поприще, командировались в совпартшколы или на специальные курсы, привлекались к работе политико-просветительских кружков, инструктировались относительно задач советского и революционного строительства. Не была забыта женская часть корейского населения, среди которой была развита наиболее успешная работа по вовлечению корейских женщин в организованное женское движение, принявшее почти массовый характер, так как отсталая и приниженная корейская женщина охотно откликнулась на призыв к участию в работе и собственному экономическому и социальному освобождению. Начавшись в 1922–1923 гг., женское движение к концу 1923 г. охватило 3000 корейских женщин и к концу 1924 г. уже 6980 и в 1925 г. – 14 400 кор[ейских] женщин. Наряду с этим, среди женщин ведется широкая культурно-просветительская работа – в 1924 г. на пунктах по ликвидации неграмотности обучалось с лишком 3000 корейских женщин и было пропущено через них всего 13,3% неграмотных корейских женщин, общее число которых в 1924 г. было 40 892 человека, при общем числе корейских женщин в возрасте начиная со школьного в 55 250 чел[овек]. Приняты меры также к экономическому раскрепощению корейских женщин через организацию женских трудовых артелей (пошивочных, булочных, рыболовных), приступлено к организации в деревнях сельскохозяйственных и промышленных (шелководных) [артелей]. Одновременно корейские женщины стали вовлекаться в советское строительство: в 1923 г. женщины-корейки насчитывались на советской работе единицами, к концу 1924 г. их было: 51 чел[овек] в сельсоветах, 67 в крестьянских, 31 в школьных советах. Корейские женщины имеются среди актива профсоюзных, партийных и комсомольских организаций, вместе с ростом корейского рядового состава в них.

Организационная работа среди корейцев по линии общественной, политико-просветительской и экономической ведется также через профсоюзные (имеется корейская секция совпрофа) и партийные организации (имеется корейский отдел). Численность корейцев-партийцев неизменно растет, причем к 1 янв[аря] 1924 г. их было 251 чел[овек] во Владивостокской (Приморской) парторганизации (10,3% всего состава), к 1 окт[ября] 1925 г. – 532 чел[овека] (9,2%), в это число включаются и корейские женщины-партийцы. В корейской секции комсомольской организации При-

морья в конце 1924 г. состояло 1495 членов и 148 кандидатов (в том числе девушек 161 или 11,6%); однако корейской рабочей молодежи в комсомоле мало (около 3%) вследствие преобладания крестьянского (земледельческого) слоя среди корейского населения края.

Политическая и просветительская работа среди корейцев идет через клубы, кружки, газету “Авангард”⁴⁶ и выпуск соответствующей литературы на корейском языке, деятельность органов Мопра⁴⁷, Осоавиахима⁴⁸, при ведении специальных кампаний (посевной, кооперативной, по государственным займам), организации культурного шефства над отдельными корейскими деревнями.

20. Заключение. Выше были рассмотрены современное положение, условия жизни и деятельности корейского населения ДВК с указанием значительных перемен, имевших место в этом отношении за последние годы. В общем надлежит указать, что ныне наблюдается не только значительный подъем корейского хозяйства в крае, которое в растущей мере оказывает влияние на положение всего хозяйства ДВК и в некоторой мере остального Союза (в связи с рисосеянием), но и в особенности культурный и социально-политический подъем всего корейского населения, который превращает корейцев Приморья в неразрывную составную часть сплоченной трудовой семьи населения всего СССР. Правда, остаются еще неизжитыми некоторые неблагоприятные явления старого корейского быта особенно в глухих местах края, но тем ярче выступают новые формы быта и деятельности корейского населения, вовлеченного в русло советской культуры и общественной самодеятельности. Это показывает также, что корейская иммиграция в наши пределы все более утрачивает узкий национальный характер и объединяется с остальным населением в деле общей работы по поднятию прогрессивных сил края. Развитие рисосеяния, бобовой культуры, шелководства – в этих условиях является ценным вкладом корейской иммиграции в общее достояние народных масс ДВК и доказательством крепнущей солидарности здесь интересов корейцев и представителей прочих многочисленных национальностей, живущих в этом крае.

Примечания

¹ Указанная дата, поэтому, считается началом водворения корейцев в Приамурье, и в 1914 г. предполагалось организовать празднование 50-летнего юбилея по этому поводу, не состоявшегося вследствие европейской войны.

² Верста – традиционная русская мера длины. 1 верста = 1,0668 км.

³ Ввиду непривычных для корейцев местных условий этот опыт устройства на севере отдельных корейских селений не дал ожидаемых результатов и более не повторялся, и корейские обитатели Благословенного в значит[ельной] мере смешались потом с русским населением, при чем, однако, внешний вид се-ла и после этого сохранил некоторые специфические черты корейских селений.

⁴ *Мевзос Г.М.* Население Дальнего Востока, его состав и измерения. Работы под таким названием установить не удалось. Вполне вероятно, что речь идет о книге “Дальневосточный край в цифрах. Справочник”. Под редакцией Р. Шишляникова, А. Рясенцева, Г. Мевзоса (Хабаровск, 1929), где имеется раздел под таким названием (с. 35–45), очевидно, принадлежащий Г.М. Мевзосу.

⁵ *Ярмош А.М.* Движения населения Дальневосточного края на десятилетие 1925–1936 гг. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Ежемесячное издание Дальневосточного краевого исполнительного комитета. Хабаровск, 1927. № 1/2. С. 98.

⁶ *Хунхузы* (русифицированная форма от китайского слова “хунхузы” – краснобородый) – участники разбойных грабительских вооруженных банд, действовавших на территории Маньчжурии и даже в приграничных районах соседних стран, с середины XIX в. до образования КНР в 1949 г. терроризировали население Северо-Восточного Китая. “Одной из наиболее уродливых сторон маньчжурской жизни являются разбойничьи дела хунхузов... В любой дальневосточной газете можно изо дня в день находить описание разбойничьих подвигов как отдельных хунхузов, так и целых шаек их” (*Л. Б-в.* Деятельность хунхузов в Маньчжурии // Военный сборник. СПб., 1908. № 1. С. 35). О хунхузах также см.: *Шкуркин П.В.* Рассказы из китайского быта. Хунхузы. Этнографические рассказы. Харбин, 1924.

⁷ Японо-китайская война 1894–1895 гг. велась японцами против Китая и Кореи и закончилась поражением Китая. По Симонескому договору, подписанному 17 апреля 1895 г., Китай лишился части своей территории (в том числе о. Тайвань), обязался выплачивать Японии контрибуцию, предоставлять японцам право вкладывать капитал, строить промышленные предприятия в открытых портах Китая, отказывался от своего традиционного покровительства Кореи и т.д.

⁸ Портсмутский договор 1905 г. – договор, заключенный 5 сентября 1905 г. по итогам русско-японской войны 1904–1905 гг. Получил свое название от американского города Портсмут (штат Нью-Гемпшир). Россия в этой войне потерпела поражение, а потому вынуждена была уступить Японии территорию Южного Сахалина, признать Корею сферой японского влияния и пойти на другие уступки.

⁹ Далекая окраина. 1916. 3 янв. “Далекая окраина” – ежедневная общественная политическая и литературная газета, издавалась во Владивостоке в 1907–1919 гг.

¹⁰ Красное знамя. 1925. 18 февр. “Красное знамя” – орган Приморского крайкома и Владивостокского горкома РКП (б) и крайсовета, издававшийся с мая 1917 г. Под этим названием газета выходит и в настоящее время.

¹¹ Десятина земли – традиционная русская мера площади. 1 десятина = 1,09 га.

¹² Приморский крестьянин. 1923. 30 окт. “Приморский крестьянин” – орган Владивостокского окружного ВКП(б) и окрисполкома, газета издавалась с января 1923 по 1929 гг.

¹³ Красное знамя. 1925. 25 июня.

¹⁴ Пайза – одна из просяных культур, близкая к чумизе.

¹⁵ Раздел “Корейское хозяйство” в ст.: *Крылов Л.В.* “Сельское хозяйство” // Экономика Дальнего Востока / Сб. под ред. Н.Н. Колосковского, А.Н. Лагутина и М.И. Целищева. С приложением “Карты ДВК и сопредельных стран”, М., 1926. С. 302–310.

¹⁶ Подробнее об этой коммуне см.: Красное знамя. 1924. 15 окт.; Тихоокеанская звезда. 1925. 18 июля и 8 сент. “Тихоокеанская звезда” – орган Хабаровского крайкома и горкома РКП (б) и краевого городского советов, издававшийся с апреля 1920 г. Под этим названием газета выходит и в настоящее время.

¹⁷ О ней см.: Дальневосточный путь. 1925. 26 мая. Под названием “Дальневосточный путь” в 1923–1925 гг. издавалась газета “Тихоокеанская звезда”.

¹⁸ Ансон – корейская форма заимствования из китайского или японского языков. Из-за отсутствия иероглифики точно установить затруднительно. Вероятно, означает “спокойная деревня”.

¹⁹ Приморский крестьянин. 1924. 5 июля.

²⁰ Бохай – раннеклассовое государство VIII–X вв. раннефеодального типа, расположенное в Северо-Восточной Азии, преимущественно в Примурье, Приморье и на сопредельных территориях. Основное население его – предки современных тунгусоязычных народностей. В 926 г. государство Бохай было разгромлено монголоязычными киданями.

²¹ Около середины XIX в. китайцев здесь называли “манзы”. О них в то время писали многие русские авторы, бывавшие на Дальнем Востоке. См. напр.: *Палладий*, архимандрит [*Кафаров*]. Уссурийские маньчзы // Изв. Императорского русского географического общества. 1871. Т. VII. Отд. II. Географ. изв. С. 369–377.

²² Будищев Александр Федорович (1830?–1868) – российский ученый, первоисследователь лесов Дальнего Востока, действительный член Императорского русского географического общества, капитан корпуса лесничих. Автор фундаментальных трудов о лесах Приморской области.

²³ Максимович Карл Иванович (1827–1891) – российский путешественник и биолог, один из пионеров исследования флоры Дальнего Востока, автор трудов по этой тематике. Академик Императорской Академии наук (1868).

²⁴ События 1867–1868 гг. (“манзовская война”) – имеются в виду первые столкновения китайцев с русскими после 1860 г., когда по Пекинскому договору было проведено размежевание с Китаем. Об этом событии см.: *Тихменов Н.М.* “Манзовская война”. (Первое вооруженное столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 году) // Военный сборник. СПб., 1908. № 2. С. 23–40; № 3. С. 29–50; № 4. С. 19–32; № 5. С. 43–60; № 6. С. 53–70; № 7. С. 29–46.

²⁵ Хозорганы риков – хозяйственные органы районных исполнительных комитетов.

²⁶ В 1925 г. 7774 дес. рис[овых] плантаций дали валовой сбор риса на сумму 2 168 000 рубл[ей], что соответствует доходу с 21–23 тыс. десятин под пшеницей, 48 тыс. дес. под овсом и 19 тыс. десятин под бобами. Доходность рисовой культуры объясняется тем, что даже при примитивном водоснабжении урожайность рисовых полей доходит до 200 пуд[ов]²⁷ с десятины (средняя урожайность) [с десятины в Приморье 150 пуд[ов] и в благоприятных случаях повышается до 330 пуд[ов] и дает при цене в 2–2 р[убля] 20 к[опеек] за пуд неочищенного риса чистый доход в 227–276 р[ублей] с десятины, тогда как доход от других культур колеблется между 40 и 108 р[ублями] с десятины.

²⁷ Пуд – старинная русская мера веса. 1 пуд = 16,38 кг.

²⁸ Оросительная система на р. Майхэ // Красное знамя. 1924. 24 июня.

²⁹ Красное знамя. 1924. 21 нояб.; 1925. 3 февр.; 1925. 3 марта; 1925. 6 окт.

³⁰ Эти работы в Прихан[кайской] низменности дадут 250 000 десятин удобной под культуры земли, большей частью для культуры риса.

³¹ “Влади-Ниппо” – “Владивостокские ежедневные новости” – газета, выходившая в годы японской интервенции во Владивостоке на японском языке.

³² “Владиво-Асахи-симбун” – Владивостокский [выпуск] газеты Асахи-симбун. “Асахи-симбун” – популярная общепонская газета, издающаяся и в наше время. “Владиво-Асахи-симбун” выходила во Владивостоке на японском языке в годы японской интервенции на Дальнем Востоке.

³³ Судьба рисовой культуры в Приморье // Вл[адиво]-Асахи-симбун. 1921. 9, 12, 15 и 16 июня; Южноуссурийский край является от природы наиболее подходящей местностью для возделывания риса // Там же. 2 дек.; Местности, производящие рис, и способы его культивирования в Прим[орской] обл[асти] // Там

же. 20, 21 и 22 июля; Возделывание водяного риса // Владиво-Ниппо. 2 дек.; Прибыльное дело по возделыванию риса // Там же. 1 дек.

³⁴ См. образец условия, заключенного в этом плане с корейцами со стороны Тё-сэн банка,³⁵ где говорится о денежных сделках (Колонизация корейского приморья // Голос Родины. 1921. 17 июля. Ср[авни]: *Болдырев В.* Япония и Советский Дальний Восток // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 192).

“Голос Родины” – ежедневная прогрессивная внепартийная политико-экономическая и общественно-литературная газета, издавалась во Владивостоке издательством “Свободная Россия” в 1917–1923 гг. С № 80 (18 ноября 1917 г.) по № 533 (31 июля 1919 г.) выходила под названием “Голос Приморья”.

³⁵ Тё-сэн банк (Чосэн банк) – Корейский банк, был основан японцами в Сеуле в 1911 г. для совершения финансовых операций преимущественно на территории Кореи и Маньчжурии. Очевидно, в годы японской интервенции на Дальнем Востоке его деятельность распространялась и на эту территорию. “По сведениям, относящимся также главным образом к 1921–22 гг., японский банк Чосэн банк, как будто, принимал весьма деятельное участие в субсидировании колонизации корейцев в южных районах Приморья” // *Болдырев В.* Указ. соч. С. 192.

³⁶ Тёкё – г. Токио

³⁷ Коку – японская традиционная мера веса. 1 коку примерно равен 150 кг.

³⁸ Мьяко – “Столица”.

³⁹ Тё – традиционная японская мера площади. 1 тё = 0,9918 га.

⁴⁰ *Петров Арк.Н.* Корейцы и их значение в экономике Дальнего Востока // Северная Азия. 1929. № 1 (25). С. 41–49 со ссылкой на доклад.

⁴¹ *Кулями* – Н.В. Кюнер склоняет слово “кули”. “Кули” – носильщики, чернорабочие, выполняющие тяжелые виды работы.

⁴² “Красное знамя”, 25 янв. 1925 г. описывает продажу родителями 16-[ти]летней корейской девушки за 300 р[ублей] старика мужу, что заставило дочь бежать и искать защиты у сельсовета; в той же газете от 4 октября 1925 г. описывается другой такой случай. Бывает, что и наоборот девушка постарше выдается родителями за мальчика-мужа, значительно моложе ее.

⁴³ “Тихоокеанская правда” 21 июля 1925 г. сообщала, что за повреждение при раскопке поля могилы брата хозяина газеда поля виноватый (кореец-батрак) был вынужден принести в жертву для искупления вины перед потревоженными костями свою последнюю корову.

⁴⁴ Дальневосточный государственный Университет образован во Владивостоке в 1921 г. на базе частного Историко-филологического факультета и Восточного института. Корееведение в нем возглавил профессор Г.В. Подставин (1875–1924). Историю, географию и этнографию стран Дальнего Востока преподавал проф. Н.В. Кюнер.

⁴⁵ Институт корейских уполномоченных при Дальревкоме (Дальневосточный революционный комитет) и местных ревкомов был учрежден в 1923 г. для оперативного решения конкретных вопросов жизни корейского населения на Дальнем Востоке.

⁴⁶ “Авангард” (“Сонбон”) издавалась в 1925–1930 гг. на корейском языке во Владивостоке в целях ведения пропагандистско-разъяснительной работы среди корейцев Дальнего Востока.

⁴⁷ МОПР – Международная организация помощи борцам революции в капиталистических странах, имевшая своей целью организацию действительной помощи жертвам белого террора и борцам против фашизма. Организация создана в 1922 г., активно действовала в 1920–1930 гг. В СССР существовала до 1947 г.

⁴⁸ Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – добровольная массовая общественная организация в СССР. Образована в 1927 г. В 1948 г. была преобразована в Добровольные общества содействия авиации (ДОСАВ), армии (ДОСАРМ) и флота (ДОСФЛОТ); с 1951 г. – ДОСААФ СССР (Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту).

Приложение I

К докладу [Н.В. Кюнера] в ИЯЛЗВ 12 апр[еля] 1929 г.

Корейцы в ДВК

Общие замечания.

История переселения и расселения.

Численность и распределение между сельской местностью и городом.

Соотношение численности корейцев, китайцев и русских. Взаимоотношение с русским, китайским и другим населением. Отношение к Японии.

Социальное положение и хозяйственное расслоение.

Корейское хозяйство в сравнении его с русским и китайским.

Корейское земледелие и земельный вопрос.

Рисосеяние, история его, современное состояние, перспективы дальнейшего развития.

Приморское рисосеяние и продовольственная проблема Японии.

Остальные занятия и промыслы корейцев Приморья; ремесла и торговля.

Домашний быт; старинные пережитки и борьба с новым бытом [?].

Культурное развитие корейцев: старое и новое образование; приобщение к советской культуре.

Советское строительство среди корейцев: политическое воспитание, участие в советском строительстве, женское движение. Профессиональное движение, партийная работа, комсомольское движение.

Заключение.

Литература о корейцах.

Приложение II

Библиография

Более раннюю литературу о корейцах в Приморье см.: *Зеленин Д.К.* Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России 1700–1910. Жилище, одежда, музыка, искусство, хозяйственный быт. СПб., 1913 (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнография. Т. 40. Вып. 1). Ч. I. Материальная культура; Примурье. Отчет земской экспедиции; *Граеве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Примурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. XI с приложением; Тиреер. Приморская область и ее богатства // Военный сборник, издаваемый по высочайшему повелению. СПб., 1908. № 7. С. 157–190; № 8. С. 167–192; № 9. С. 163–192; № 10. С. 153–176; *Унтербергер П.Ф.* 1. Приморская область 1856–1898 гг. // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1900. Т. VIII. Вып. 2; 2. Приамурский край 1906–1910 гг. // Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1912. Т. XIII; *Кюннер Н.В.* Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Цюсен. Ч. 1–2. Владивосток, 1912; *Насекин Н.А.* Корейцы Приамурского края // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1904. № 3. Март. С. 1–61.

Новейшую литературу о корейцах см.: *Матвеев З.Н.* Что читать о Дальневосточной области: опыт систематического указателя. Владивосток, 1925; *Кюннер Н.В.* Указатель русской литературы по этнографии, антропологии, истории, культуры народов Тихого океана (1926–1928) // Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 418: машинопись на англ. яз.

См. также газеты и прочие периодические издания Владивостока, Хабаровска за время [с] 1914 по 1927 г. (“Дал[екая] окраина”, “Голос Приморья”, “Красное знамя”, “Тихоокеанская звезда”, журналы: “Вестник Маньчжурии”, [Харбин], 1925–1929; “Экономическая жизнь Дальнего Востока”; “Советское Приморье”; “Северная Азия” (в частности, статья *А.Н. Петрова* “Корейцы и их значение в экономике Дальнего Востока” // Северная Азия. 1929. № 1 (25). С. 41–49); Сборник “Экономика Дальнего Востока под ред. Н.Н. Колосовского, А.Н. Лагутина и М.И. Целищева. С приложением карты Дальневосточного края и сопредельных стран”. М., издательство “Плановое хозяйство”, 1926; *Арсеньев В.К., Титов Е.И.* Население как производительный фактор // Сборник “Экономика Дальнего Востока” С. 50–77; *Аносов С.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск-Владивосток, издательство “Книжное дело”, 1928.

N.V. Kiuner. Koreans in the Russian Far East

The article is the first publication of a paper, which was delivered at Leningrad State University in 1929 by Nikolai Vasilievich Kiuner (1877–1955), a noted Russian/Soviet scholar who made important contributions to the study of cultures of China, Korea, Mongolia, and Tibet. The article is a historical study of the first Korean settlements in the Russian Far East and it sheds light on various – social, economic, and cultural – aspects of the immigrants community’s life. The article is supplemented by a brief introduction by A.M. Reshetov.